

Война как экзистенциальный феномен
в докладе Зинаиды Гиппиус
«История в христианстве»

Анна А. Голубкова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, annasape@mail.ru*

Аннотация. Первая мировая война вызвала много дискуссий в среде российской интеллигенции. Часть из них проходила в рамках заседаний петербургского Религиозно-философского общества. Одним из важных этапов обсуждения стал доклад Зинаиды Гиппиус «История в христианстве», который она прочитала на заседании 5 ноября 1914 г. Зинаиде Гиппиус удалось предложить вполне оригинальную трактовку этого вопроса, демонстрирующую сложный путь принятия и преодоления войны как социального и метафизического явления. Война, по ее мнению, это безусловный регресс, возвращение к давно устаревшим идеям и способам взаимодействия. Война крайне архаична, ей невозможно приписать никакие возвышенные смыслы. Даже если таковые декларируются, природа войны не меняется. Наоборот, война, в свою очередь, начинает менять всех, кто принимает в ней участие. Война – это своего рода «вещь в себе», целостный и жесткий феномен. И тем не менее российской интеллигенции, считает Зинаида Гиппиус, войну следует принять, даже если придется выйти из своего уютного интеллектуального пространства. Ведь именно интеллигенция не сумела предотвратить войну и поэтому, по мнению Гиппиус, несет свою часть ответственности за то, что война снова стала реальностью для миллионов людей.

Ключевые слова: история, христианство, Первая мировая война, Зинаида Гиппиус, Религиозно-философское общество, интеллигенция, религиозное сознание

Для цитирования: Голубкова А.А. Война как экзистенциальный феномен в докладе Зинаиды Гиппиус «История в христианстве» // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 4. С. 31–43. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-4-31-43

War as an existential phenomenon in the report of Zinaida Gippius “History in Christianity”

Anna A. Golubkova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

annasapeg@mail.ru

Abstract. The First World War caused a lot of discussion among the Russian intellectuals. Some of which took place as part of the meetings at the Religious and Philosophical Society in St. Petersburg. One of the important stages of the discussion was the report of Zinaida Gippius “History in Christianity”, which she read at the meeting on November 5th 1914. Zinaida Gippius offered an original interpretation of the issue, demonstrating the difficult way of accepting and overcoming war as a social and metaphysical phenomenon. War, in her opinion, is an unconditional regression, a return to long-outdated ideas and ways of interaction. War is extremely archaic, it is impossible to ascribe any elevated meanings to it. Even if they are declared, the nature of the war does not change. On the contrary, the war, in turn, begins to change everyone who takes part in it. War is a kind of “thing in itself”, a holistic and rigid phenomenon. Nevertheless, according to Zinaida Gippius, the Russian intellectuals should accept the war, even if they have to leave their comfortable intellectual space. After all, it was exactly the intellectuals who failed to prevent the war, and therefore, according to Gippius, bear their part of the responsibility for the fact that the war again became a reality for millions of people.

Keywords: history, Christianity, First World War, Zinaida Gippius, Religious and Philosophical Society, intellectuals, religious conscience

For citation: Golubkova, A.A. (2023), “War as an existential phenomenon in the report of Zinaida Gippius ‘History in Christianity’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 31–43, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-4-31-43

Вопрос об отношении к Первой мировой войне широко обсуждался в кругах российской интеллигенции, в том числе и на заседаниях петербургского Религиозно-философского общества. В октябре 1914 г., примерно через три месяца после начала военных действий, состоялись доклады А.А. Мейера и Д.С. Мережковского, а в начале ноября с большим разбором этической проблемы в отношении к войне там же выступила Зинаида Гиппиус. Но прежде чем перейти к анализу этого доклада, необходимо хотя бы обзорно рассмотреть роль и место Гиппиус в работе Религиозно-философского общества.

В июне 1908 г. Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский вернулись из Парижа в Санкт-Петербург и сразу же погрузились в общественно-политическую жизнь, в том числе стали принимать активное участие в работе Религиозно-философского общества, которое было учреждено в Петербурге весной 1907 г. История общества достаточно неплохо изучена. Прежде всего следует упомянуть книгу А.А. Ермичёва «Религиозно-философское общество в Петербурге, 1907–1917. Хроника заседаний» [Ермичев 2007]. В 2009 г. в издательстве «Русский путь» вышел трехтомник «Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах»¹, в котором опубликованы протоколы заседаний, тексты выступлений и другие сохранившиеся документы.

На заседаниях Религиозно-философского общества Зинаида Гиппиус выступала с докладами два раза. Если судить по материалам трехтомника, в прениях она практически не участвовала, один раз только прокомментировала доклад А.А. Мейера «Новое религиозное сознание и творчество» (17 октября 1916 г.). В то же время, по свидетельствам современников, многие темы заседаний Религиозно-философского общества обсуждались в более узком дружеском кругу, который собирался дома у Гиппиус и Мережковского. Однако тема эта требует отдельного исследования. Что касается ее докладов, то они затрагивали важные вопросы, связанные непосредственно с современностью. Первый раз 16 (29) ноября 1910 г. Зинаида Гиппиус сделала мемориальное сообщение «Слова Толстого», которое посвящено памяти только что ушедшего писателя. 5 ноября 1914 г. она прочитала доклад «История в христианстве», в котором подробно разобрала отношение к Первой мировой войне российской интеллигенции, и в том числе затронула проблему насилия.

Собственно, тема патриотизма и отношения к национальной идее в российском обществе периода 1910-х гг. достаточно хорошо изучена. Здесь можно сослаться на статью А.А. Ермичёва «Вопрос о патриотизме в русской мысли начала Первой мировой войны» [Ермичев 2014]), а также на статью Е.Д. Борщукковой «Русская

¹ См.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. / Московско-Петербургский филос. клуб; Федеральное арх. агентство; Российский гос. архив лит. и искусства; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. М.: Русский путь, 2009. См. также предисловие к первому тому: [Ермишин, Коростелев 2009].

религиозно-философская мысль о характере и вероятных последствиях Первой мировой войны» [Борщукowa 2014]. А.А. Ермичев упоминает доклад Зинаиды Гиппиус в контексте общей позиции идеологов петербургского неохристианства, высказанной прежде всего на заседаниях Религиозно-философского общества. В ее выступлении он подчеркивает противопоставление войны и христианства и надежду на то, что идея ценности человеческой личности, бесспорная для всех христиан, постепенно получит все более широкое распространение. В контексте темы преодоления войны в дневниках и очерках Михаила Пришвина этот доклад в ряду с другими рассматривает в своей статье Е.Ю. Кнорре [Кнорре 2023].

Выступление Зинаиды Гиппиус на эту тему отнюдь не было первым, а представляло собой одно из целой серии высказываний. Poleмика была начата докладом Владимира Эрнa «От Канта к Круппу», произнесенным на публичном заседании московского Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева 6 октября 1914 г. В этом докладе Эрн обвинил немецкую культуру в агрессии и фактическом развязывании Первой мировой войны. С возражениями выступили Семен Франк («О поисках смысла войны») и Моисей Рубинштейн («Виноват ли Кант?»).

На заседании петербургского РФО 26 октября 1914 г. выступили с докладами А.А. Мейер «Религиозный смысл мессианизма» и Дмитрий Мережковский «О религиозной лжи национализма». И далее эту тему продолжили доклады С.М. Соловьева «О современном патриотизме», С.И. Гессена «Идеи нации» и Г.А. Василевского «Виновата ли германская культура?». Тема войны, ее причин и вероятных последствий, таким образом, была предметом обширной дискуссии не только на заседаниях московского и петербургского РФО, но и во всем российском обществе. Однако Зинаиде Гиппиус, на наш взгляд, удалось предложить свою вполне оригинальную трактовку этого вопроса. Высказывание Зинаиды Гиппиус и логика, с которой она разворачивает свою аргументацию, важны и сами по себе, так как демонстрируют сложный путь принятия и преодоления войны как социального и метафизического явления. Поэтому имеет смысл подробно рассмотреть ее доклад и особенно с точки зрения проблемы насилия.

Для Зинаиды Гиппиус, и этим она отличается от многих своих современников, характерно четкое понимание исторической обусловленности того или иного явления. Например, в заметке «Два слова раньше», написанной в 1908 г. и предваряющей сборник статей «Литературный дневник», Гиппиус пишет:

Надо уметь чувствовать время; надо помнить, что история везде и все в истории – в движении. Последняя мелочь – и она в истории, и она может кому-нибудь пригодиться, если только будет на своем месте. Всякий вчерашний день – история, а всякий «сборник» именно вчерашний день².

В этом небольшом тексте она обосновывает необходимость исторического взгляда на художественные произведения и высказанные мнения, а также важность контекста, в котором они появились. Таким образом, Зинаида Гиппиус мыслит историю как процесс, по мере своего осуществления влияющий на феномены и изменяющий их. И тема войны и неизбежно связанного с ней насилия также оказывается у нее исторически обусловленной.

И не случайно доклад свой Гиппиус начинает с вопроса об «истории в христианстве», т. е. об отношении христианства к жизни как историческому процессу. Надо отметить при этом, что христианство Гиппиус понимает очень широко, не только как христианскую религию, а как реализацию в культуре и истории понятия триединства: «Действительное же мировое христианство совпадает, как понятие, с Триединством»³. И тогда христианская идея становится у нее практически всеобъемлющей и вмещает даже французскую революцию с ее трехчастным лозунгом «свобода, равенство, братство»: «Кто помнил и думал о Христе, строя храм Разума? Это была вовсе не “христианская” революция. И до последней ясности – христианская; кроме совпадения “слов”, – это был один из величественных взлетов, подъемов исторического, *христианского* пути» (с. 35–36). Эта тема исследована историками философии и литературоведами. Для примера можно сослаться на работы Е.А. Андрущенко, А.А. Холикова и сборник статей «Д.С. Мережковский: писатель – критик – мыслитель» (см.: [Андрущенко 2012; Холиков 2010; Коростелев, Холиков 2018]).

Зинаида Гиппиус обращает внимание на сложность определения границ отвлеченных понятий, что часто лишает спор предметности и не дает возможности вести продуктивную дискуссию. Сразу же в начале доклада она ставит под сомнение один из главных

² Гиппиус З.Н. Два слова раньше // Гиппиус З.Н. Литературный дневник (1899–1907). М.: Аграф, 2000. С. 32.

³ Гиппиус З.Н. История в христианстве // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917. Т. 3: 1914–1917. М.: Русский путь, 2009. С. 33. *Далее цитаты на это издание даны в тексте в круглых скобках.*

принципов – отрицание христианством насилия, и прежде всего из-за сложности определения границ этого понятия:

Те, кто из этого последнего положения делает вывод, что христианство отрицает жизнь, – совершенно правы. Как произвольно ограничивать отрицание, где остановить его? Большое насилие христианство отрицает, а поменьше – признает? Которое же назвать большим, которое маленьким? Или все в зависимости от обстоятельств? Иногда можно, иногда нельзя? <...> Нет уж, тут не вывернуться: если действительно христианство отрицает хотя бы насилие – нужно признать, что оно отрицает, отвергает весь мир, всю жизнь целиком, наконец, само себя, принимая лишь отрицание всего – смерть (с. 33–34).

О том, что Христос принес на землю смерть, впоследствии много писал Василий Розанов, об этом есть его рассуждение «Апокалиптика русской литературы» (1918). И он же автор ранней работы «Место христианства в истории» (1890), с названием которой фактически полемизирует доклад Зинаиды Гиппиус «История в христианстве».

Зинаида Гиппиус, таким образом, признает бессмысленным утверждение «христианство отрицает насилие», потому что оно, во-первых, не совпадает с историческими фактами, во-вторых, потому что насилие, по ее мнению, невозможно отделить от «жизни», и это не только терминологические сложности. И тогда она ставит под сомнение целиком все утверждение, что христианство вообще может что-либо отрицать:

Суть, корень, естество христианства в том, что оно не только насилия или еще чего-нибудь, большого или малого, – но *решиительно ничего* не «отрицает». Христианство начинается утверждением, совершается, исполняется, – посредством цепи новых, последовательных утверждений, – в волевом движении человечества, и завершается окончательным, т. е. абсолютным, утверждением (с. 34).

По ее мнению, в ходе исторического процесса происходит не отрицание, а изменение и дополнение одних ценностей другими, при этом утверждение новой ценности вовсе не является отрицанием старой. Однако выбор между этими ценностями для Гиппиус, во-первых, является свободным волеизъявлением, во-вторых, как правило, трагичным и жертвенным поступком, потому что происходит отказ от старой ценности ради чего-то нового. Смена ценностей связана с выбором и жертвой еще и потому, что она не случается в один момент времени. Какая-то часть старых представлений и идей

продолжает жить в обществе и может в какой-то момент начать влиять и на ту его часть, которая давно пытается от них отказаться. И вот на этом месте она наконец переходит к рассуждению о Первой мировой войне, которая, с точки зрения людей чувствующих и мыслящих, по мнению Гиппиус, является абсолютным анахронизмом.

Со свойственной ей чуткостью к семантическому содержанию терминов Зинаида Гиппиус дает определение войны как явления и указывает на ее причины:

Война – непременно кровавая борьба условных (государственных) или природных (национальных) коллективов между собою, ведущаяся: или ради приобретения чужих благ, или ради защиты своих, или, наконец, ради сохранения данного коллективного единства. Война – борьба непременно в вертикальном разрезе, – ведь она начинается сверху и лишь доходит до низов. Резкость вертикальных линий, делящих человечество на коллективы условные или природные (государства или племена), – предпосылка войны, ее необходимая почва. Война – одно из частных следствий такого именно деления человечества (с. 37).

И, конечно, война становится особым шоком для всей русской религиозной философии начала XX в., которая пытается обрести новое единство и перестроить общество на других духовных основаниях. В своем докладе Зинаида Гиппиус особенно отмечает крайнюю архаичность войны и абсолютную невозможность внести в нее новые смыслы, придать войне какое-то иное значение или хоть как-то ее изменить. «Возвысить» войну, по ее мнению, невозможно: «Но вовнутрь войны нельзя вложить *никакого* смысла, кроме ее собственного, – рамки войны нераздвижимы» (с. 37). То есть война, получается, это своего рода «вещь в себе», явление, которым невозможно воспользоваться в каких-то условно благородных целях и которое, в свою очередь, начинает изменять в определенную сторону тех, кто принимает в ней участие. Чтобы принять войну, считает Гиппиус, нужно до нее «снизиться».

Основная масса людей легко и просто переходит в это иное состояние. Но перед теми, кто находится в духовном поиске и стремится к преобразованию реальности, война ставит совершенно неразрешимую задачу пересмотра понятия жизни, которому война абсолютно противоположна. Автор доклада видит для таких людей три возможных способа поведения:

Разрешения не было; а *решения* представлялось три: 1) открыто, упрямо (и бесплодно) идти против совершающегося; 2) оторваться

и замереть в созерцании (оставить мертвым хоронить своих мертвецов) и, наконец; 3) отречься от того, что вчера лелеял, как правду, придумать наскоро, на время, что-нибудь смягчающее, вроде «нового смысла войны»; и, соединившись со вчерашними врагами против вчерашних друзей, отдать себя войне, ее стихийной заразе; она быстро потушит дух, даст легкость забвенья (с. 38).

И легче всего оправдание войны происходит, пишет Гиппиус, в тех странах, которые войны не начинали, а вынуждены были отвечать на нападение. В России интеллигенция попробовала все три способа: и протест, и попытку игнорировать сложившуюся ситуацию, и принятие войны с попытками ее идейного оправдания. И, конечно, считает она, выбор третьего пути был самым тяжелым, потому что приходилось отказываться от всех приобретенных за это время новых ценностей, что вызывало у выбравших этот путь чувство измены своим сокровенным идеалам. Тем не менее именно этот путь, пишет Зинаида Гиппиус, и следует выбрать, причем принять его нужно во всей полноте и с осознанием того, что делается:

Потерять душу, положить душу свою – должно, а изменить ей нельзя. Не потому мы примем войну, что вот эта война – как бы не война, как бы чем-то может быть оправдана. *Ничем* она не может быть оправдана. На войну честно надо смотреть, как на поворот назад, загиб, *петлю*, удлинняющую всемирный путь человечества (с. 40).

Принять же войну и снизиться до нее интеллигенции следует по той причине, что она не смогла ее предотвратить и, следовательно, в какой-то степени виновата в том, что война эта вообще случилась. Новые идеи, по Гиппиус, во многом остались декларативными и не вышли за пределы образованного круга:

Мы шли по *воздушным* ступеням, когда легко повторяли имена великих грядущих истин, – «всечеловечество», «интернационализм», «равенство», «вселенскость», и когда думали, что они сами собою войдут в мир, сами, без наших усилий, изменят порождающие войну старые ценности национализма и государственности. Мы хорошенько не знали ни существа этих старых ценностей, ни того, почему они подлежат изменению, – а не уничтожению (с. 40).

Соответственно, принять войну надо и как свидетельство своего поражения, и как задачу на будущее преодоление самой возможности войны и утверждение новых истин, и как своего рода испускательную жертву:

Нельзя не идти на войну, каким бы «возвратом назад», снижением она ни была. Но можно и должно идти *вольно*, с открытыми глазами, без жажды забвенья, без насильственных оправданий неоправдываемому, с чувством всей своей вины, всей своей ответственности. Пусть мне не говорят, что *так* принять войну, отдать себя войне – нельзя, потому что это принятие включает в себя все ее неприятие. Нет, только *так* и пойдут все, войны не желавшие; все, в ком «верна душа». Не малодушными изменниками войдем в костер; но в силе *духа*, с радостным *желанием*, чтобы искупительный огонь этого костра был для нас и огнем очистительным, закаляющим волю для новой борьбы во имя новой Истины (с. 41).

И далее Зинаида Гиппиус, исходя из уже сделанного определения войны как результата разделения человечества на отдельные «коллективы», предлагает свой способ обретения новых ценностей и преодоления самой возможности войны. Этот способ – осознание ценности отдельной человеческой личности, которая проходит сложный путь исторического развития в рамках более обширных коллективов, но в какой-то момент осознает свою ценность и самодостаточность. Эта личность становится частью народа или нации, но при этом ничуть не утрачивает своих индивидуальных особенностей. И тогда общее становится соединением множества частных, которые сливаются в одно, но не растворяются друг в друге. И война отбрасывает человечество назад, пишет она, из-за отмены ценности отдельного человека. Борьба за утверждение личности, таким образом, становится и борьбой против войны:

В моменты самого яркого утверждения своего единства (например, во время войн) Личность даже не мыслится, как ценность. Ее права всецело *уничтожаются* правами нации. Наша настоящая, *сегодняшняя* борьба – должна быть именно борьбой за право *каждой* личности – с правами условного или природного коллектива. Она начинается по новой линии, дает новое деление, не вчерашнее, а сегодняшнее – *горизонтальное* (с. 43).

То есть война, по Гиппиус, является еще и следствием «вертикального», то есть иерархического, устройства общества, которому в приведенной цитате она противопоставляет горизонтальную структуру, учитывающую в идеале интересы каждой отдельной личности. Новое человеческое единство, которое, она верит, когда-нибудь будет достигнуто, отрицает войну уже самим фактом своего существования. Именно ради этого, по логике Зинаиды Гиппиус,

следует принять войну и «снизиться» до нее, чтобы преодолеть ее в самих себе и продолжить работу по созданию новой человеческой общности.

Примерно такой же путь преодоления войны, как подробно показала в своей статье Е.Ю. Кнорре, предлагает и Михаил Пришвин:

Война, по Пришвину, делит мир на «русских» и «австрийцев», «белых» и «красных», стирая личность человека. Спасением «из числа» становится деятельность «различения» – в свете «родственного внимания» выявление во множестве единственного лица «другого», собрание «Великого собора живых» на борьбу со «Средним должным» [Кнорре 2023, с. 69].

Как отмечает А.А. Ермичёв, антивоенная позиция Зинаиды Гиппиус была вполне последовательной:

Самым существенным было то, что петроградцы категорически выступили против религиозного оправдания войны. Первое заседание военного сезона 24 октября А.А. Мейер и Д.С. Мережковский посвятили обличению «религиозной лжи мессианизма», накрепко, по их мнению, связанного с империализмом, а на втором, 5 ноября, З.Н. Гиппиус в докладе «История в христианстве» провела резкую черту между христианством и войной. Все они исходили из бесспорного для всех христиан тезиса об абсолютной ценности личности, человеческой жизни [Ермичёв 2014, с. 183].

В 1925 г., комментируя книгу И.А. Ильина «Соппротивление злу силою», она написала:

Насилие есть насилие, убийство – убийство, и доказать, что с христианской точки зрения оно не «грех», а какая-то «негреховная неправедность», нельзя, сколько ни старайся⁴.

И тем не менее общие перспективы человечества в 1914 г. Зинаида Гиппиус оценивает вполне оптимистически:

Выбор свободен; с точки зрения всемирного, историю включающего христианства, – нет предопределения, рока, закона. Главный исторический путь человечества указан, но не приказан; обозначен, но не назначен. Мир свободен погибнуть (говоря чисто христианским языком) или спастись. Оборвется ли путь в небытие, в абсолют отри-

⁴ Цит. по: [Ермичёв 2014, с. 183].

пания, или дойдет до высших ступеней бытия, до абсолютного утверждения – это зависит от силы напряженной воли человечества и от ее единства с волей мировой, Божественной. Можно лишь сказать, что в самом человечестве заложено громадное стремление достичь предельной черты своего пути. Мир *хочет* «спастись» (с. 42–43).

Таким образом, война, по Гиппиус, это безусловный регресс, возвращение к давно устаревшим идеям и способам взаимодействия. Война крайне архаична, и никакие возвышенные смыслы придать ей невозможно. Даже если цели войны декларируются как «благородные», она изначально имеет неизменяемую природу и, в свою очередь, начинает менять всех тех, кто принимает в ней участие, несмотря на их собственную идейную установку. Война – это своего рода «вещь в себе». И тем не менее российской интеллигенции, считает Зинаида Гиппиус, следует принять войну и «снизиться» до нее. Ведь именно интеллигенция со всеми своими возвышенными идеалами не сумела предотвратить войну. И поэтому, по мнению Гиппиус, все они в какой-то степени виноваты в том, что война эта вообще случилась.

Источники

Гиппиус З.Н. Литературный дневник (1899–1907). М.: Аграф, 2000. 320 с.

Гиппиус З.Н. История в христианстве // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. / Московско-Петербургский Философский Клуб; Федеральное архивное агентство; Российский государственный архив литературы и искусства; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. Т. 3: 1914–1917. М.: Русский путь, 2009. С. 33–44.

Литература

Андрущенко 2012 – *Андрущенко Е.А.* Властелин «чужого»: текстология и проблема поэтики Д.С. Мережковского. М.: Водолей, 2012. 248 с.

Борщукowa 2014 – *Борщукowa Е.Д.* Русская религиозно-философская мысль о характере и вероятных последствиях Первой мировой войны // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. № 5. С. 73–76.

Ермичёв 2007 – *Ермичёв А.А.* Религиозно-философское общество в Петербурге, 1907–1917. Хроника заседаний. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. 323 с.

- Ермичёв 2014 – *Ермичёв А.А.* Вопрос о патриотизме в русской мысли начала Первой мировой войны // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 4. С. 179–190.
- Ермишин, Коростелев 2009 – *Ермишин О.Т., Коростелев О.А.* Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): Вехи истории, тематика заседаний, дискуссии // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: Т. 1: 1907–1909. М.: Русский путь, 2009. С. 5–26.
- Кнорре 2023 – *Кнорре Е.Ю.* «Человек смиряется и на другого смотрит: как другой живет». Мотив преодоления войны в дневниках М.М. Пришвина периода Первой мировой и Второй мировой войн // М.М. Пришвин в контексте современного гуманитарного знания: Материалы Всерос. науч. конф. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2023. С. 69–76.
- Коростелев, Холиков 2018 – Д.С. Мережковский: писатель – критик – мыслитель: Сборник статей / Ред.-сост. О.А. Коростелев, А.А. Холиков. М.: Дмитрий Сечин: Литфакт, 2018. 687 с. (Библиотека «Лит. наследства». Новая серия. Вып. 3).
- Холиков 2010 – *Холиков А.А.* Дмитрий Мережковский: Из жизни до эмиграции: 1865–1919. СПб.: Алетейя, 2010. 152 с.

References

- Andrushchenko, E.A. (2012), *Vlastelin “chuzhogo”: tekstologiya i problema poetiki D.S. Merezhkovskogo* [The Lord of the “alien”. Textual criticism and the issue of poetics by D.S. Merezhkovsky], Vodolei, Moscow, Russia.
- Borshchukova, E.D. (2014), “Russian religious and philosophical thought on the nature and probable consequences of the First World War”, *Vestnik of Kostroma State University*, no. 5, pp. 73–76.
- Ermichev, A.A. (2007), *Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Peterburge, 1907–1917. Khronika zasedanii* [Religious and Philosophical Society in St. Petersburg, 1907–1917. Chronicle of meetings], Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, Saint Petersburg, Russia.
- Ermichev, A.A. (2014), “The question of patriotism in Russian thought at the beginning of the First World War”, *Herald of the Russian Christian Academy for humanities*, vol. 15, iss. 4, pp. 179–190.
- Ermishin, O.T. and Korostelev, O.A. (2009), “Religious and Philosophical Society in St. Petersburg (Petrograd). Milestones of history, topics of meetings, discussions”, *Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Sankt-Peterburge (Petrograde): Istoriya v materialakh i dokumentakh: 1907–1917* [Religious and Philosophical Society in St. Petersburg (Petrograd). History in materials and documents. 1907–1917], vol. 1, 1907–1909, *Russkii put’*, Moscow, Russia, pp. 5–26.

- Kholikov, A.A. (2010), *Dmitrii Merezhkovskii: Iz zhizni do emigratsii: 1865–1919* [Dmitry Merezhkovsky. From life before emigration. 1865–1919], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.
- Knorre, E.Yu. (2023), “‘A person humbles himself and looks at the other: how does the other live’. The motive of overcoming the war in the diaries of M.M. Prishvin during the First World War and the Second World War”, *M.M. Prishvin v kontekste sovremennogo gumanitarnogo znaniya: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [M.M. Prishvin in the context of modern humanitarian knowledge. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference], Eletsii gos. un-t im. I.A. Bunina, Elets, Russia, pp. 69–76.
- Korostelev, O.A. and Kholikov, A.A. (eds.) (2018), *D.S. Merezhkovskii: pisatel' – kritik – myslitel': Sbornik statei* [D.S. Merezhkovsky. Writer – critic – thinker". Collected articles], Dmitrii Sechin, Litfact, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Анна А. Голубкова, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Российская государственная детская библиотека, Москва, Россия; 119049, Россия, Москва, Калужская пл., д. 1; annasapeg@mail.ru

Information about the author

Anna A. Golubkova, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

Russian State Children's Library, Moscow, Russia; bld. 1, Kaluzhskaya Square, Moscow, Russia, 119049; annasapeg@mail.ru